

УДК 94(438).081

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.6.03

Ю. А. Борисёнок

Смоленский вариант белорусизации 1920-х гг.

Кодин Е. В., Кобец О. В. Белорусизация на Смоленщине, 1920-е годы: монография. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2021. – 165 с.

Борисёнок Юрий Аркадьевич

Кандидат исторических наук, доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская
Федерация

E-mail: rodina2001@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4958-2799

Цитирование

Борисёнок Ю. А. Смоленский вариант белорусизации 1920-х гг. // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 463–478. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.6.03

Рецензия поступила в редакцию 25.08.2022.

Аннотация

В 2021 г. смоленские историки Евгений Кодин и Ольга Кобец опубликовали первую в российской историографии монографию о процессах белорусизации в РСФСР в межвоенный период. В книге на примере Смоленского региона затронут крайне актуальный для национальной политики первых лет советской власти вопрос о распространении решений XII съезда партии большевиков (1923) о коренизации на пограничные с Белорусской ССР области Российской Федерации. Авторы привлекли значительный и ценный материал местных архивов и попытались выяснить, соответствуют ли реалиям эпохи взгляды современных историков на проблему содержания и итогов политики белорусизации. Монография существенно корректирует существующие представления о практической реализации курса на белорусизацию, в частности, убедительно показывает тактику смоленских властей по приданию указаниям из Москвы о внедрении белорусского языка в школьную систему второстепенного и временного характера.

Ключевые слова

Смоленский регион, история Беларуси, белорусские земли, белорусизация, российская историография, Е. В. Кодин, О. В. Кобец.

Процессы белорусизации, ставшие официальной основой советской национальной политики в БССР с июля 1923 г., как известно, вплоть до конца 1932 г. осуществлялись, пусть и со значительно меньшей интенсивностью, в сопредельных с белорусской территорией регионах РСФСР. Эта тематика по ряду причин политического и социального характера долгие десятилетия не попадала в фокус активного внимания историков. Даже когда в постсоветский период эта группа проблем перестала быть нежелательной, белорусизация 1920-х гг. в Российской Федерации долгое время не разрабатывалась на монографическом уровне, в отличие от сходной по целям и задачам советской украинизации, обстоятельно исследованной, к примеру, в 2016 г. в книге научного сотрудника Института российской истории РАН К. С. Дроздова об особенностях этой политики в Центральном Черноземье¹. Тем ценнее обращение к этой неизменно актуальной и вызывающей острые научные дискуссии теме смоленских историков Евгения Кодина и Ольги Кобец, выпустивших в самом конце 2021 г. небольшую, но основательную с точки зрения использованных источников и их интерпретации монографию «Белорусизация на Смоленщине, 1920-е годы»².

Изложение в книге, опубликованной в популярном ныне электронном формате, логично и прагматично разделено на пять небольших глав, лишь последняя из которых, озаглавленная «Белорусизация: как это было на Смоленщине», обращена к практической реализации этого курса на пространстве тогдашней Смоленской губернии. Начинается же монография с любопытных авторских оценок современных историографических дискуссий о характере и результатах белорусизации в БССР. Авторов особо интересует позиция шведского специалиста Пера Андерса Рудлинга, сформулированная в изданной в 2015 г. в Питтсбурге его монографии «Подъем и падение белорусского национализма. 1906–1931 гг.»³.

¹ Дроздов К. С. Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. М., 2016.

² Кодин Е. В., Кобец О. В. Белорусизация на Смоленщине, 1920-е годы: монография. Смоленск, 2021.

³ Rudling P. A. The Rise and Fall of Belarusian Nationalism, 1906–1931. Pittsburgh, 2015.

Кодин и Кобец совершенно верно отмечают главный недостаток этой работы: «В работе Рудлинга достаточно слабая источниковая база <...> в исследовании нет того местного архивного материала, который бы становился изначальной документальной базой для подтверждения зачастую крайне резких выводов и заключений автора»⁴. Далее же эти резкие выводы приводятся в своей главной части, весьма напоминая критику белорусских национальных проектов как в крайне правом сегменте политического спектра Российской империи начала XX в., так и современных трансляторов подобных взглядов: «Однако, исходя из отсутствия у населения потребности в белорусской самоидентификации, считает Рудлинг, белорусская национальность “приписывалась” местному населению “сверху” усилиями чиновников, которые руководствовались соображениями политическими в гораздо большей степени, нежели реальными потребностями коренного населения. Базируясь на экспертных данных этнографов, без учета самоидентификации местного населения, целые регионы записали в белорусские. Именно поэтому белорусизация вызывала в обществе оправданное сопротивление, пишет Рудлинг»⁵. Противодействие это именуется шведским автором «сильным сопротивлением широких слоев белорусского населения»⁶.

Здесь появляется оправданное любопытство посмотреть, как это сопротивление должно будет выглядеть в книге на смоленском материале, раз уж в БССР, если поверить Рудлингу, творились подобные ужасы. Правда, ни в национальной политике большевиков, ни в практике национально-территориального размежевания постверсальской Европы «самоидентификация местного населения» в качестве основного принципа практически не применялась, а вот «экспертные данные этнографов» часто играли весьма существенную роль.

Балансируя на подобных шатких конструкциях, шведский историк смело идет еще дальше: «Особенно ярко насильственный характер белорусизации проявился в ходе территориального укрупнения БССР в 1924 и 1926 гг. за счет российских территорий, где совсем незначительная часть населения владела белорусским языком, а власти заставляли население “менять язык” против их воли. В этих регионах, в оценке автора, население оказывало массовое сопротивление проводимой властями политике белорусизации. Одновременно

4 Кодин Е. В., Кобец О. В. Белорусизация на Смоленщине... С. 10.

5 Там же. С. 12.

6 Там же.

неприятие такой насильственной белорусизации объяснялось и тем, что она существенно ограничивала мобильность населения, особенно белорусской молодежи, в условиях резко набравшей темпы экономической модернизации, поскольку навязываемый ей белорусский язык не соответствовал языку повседневного общения. Такие методы осуществления национальной политики Рудлинг называет деспотичными, а само проведение белорусизации не имело ничего общего с интересами населения республики. Выгодно это было только части белорусских националистов, в том числе на высоком государственном уровне, главной целью которых стало конструирование белорусского национального самосознания»⁷.

В реальной БССР 1920-х гг. всё было совсем иначе. Не было ни «насильственной белорусизации», ни националистов у власти (большевики таковыми никогда не являлись), ни «навязываемого» белорусского языка, а было говорившее в быту сплошь по-белорусски крестьянство, составлявшее свыше 80% населения. Распространение же среди белорусских крестьян грамотности на их родном языке было важнейшей частью процессов модернизации общества. Российские же территории, присоединенные в ходе укрупнений 1924 и 1926 гг., таковыми, как известно, стали 16 января 1919 г. путем передачи из первой в истории белорусской советской республики, провозглашенной 1 января того же года. Их белорусский этнографический характер ни в 1919-м, ни в 1924–1926 гг. сомнений на серьезном научном и политическом уровне не вызывал.

Итоговая оценка концепции Рудлинга авторами такова: «Высокая степень искусственности политики белорусизации и ее неприятие значительной частью населения российско-белорусского порубежья более чем очевидны. И, скорее всего, Рудлинг в своей общей констатации наличия сопротивления белорусизации прав. Хотя говорить о том, что белорусское население республики в большинстве своем не было заинтересовано в национальной политике, основания вряд ли имеются»⁸. Здесь интересна отсылка к «населению российско-белорусского порубежья», к которому несомненно принадлежала и Смоленщина. Выявленные к настоящему времени источники, разумеется, фиксируют сопротивление белорусизации, но исключительно на уровне «писем во власть», отправлявшихся учителями и иными представителями грамотной части общества БССР. Вполне вероятно,

⁷ Там же. С. 13.

⁸ Там же.

что на порубежье уровень недовольства мог быть и выше, особенно там, в том числе и в Смоленской губернии, где в последние десятилетия существования Российской империи появились земства и были открыты земские школы, дававшие более качественное начальное образование по сравнению с церковно-приходскими школами. Отсылка же к «искусственности политики белорусизации» не слишком корректна, ведь искусственной во многом была вся политика межвоенной советской власти, достаточно упомянуть массовую коллективизацию сельского хозяйства.

Важная глава монографии «Белорусизация в свете решений партийных и государственных органов власти» содержит интересный вариант речи наркома по делам национальностей РСФСР И. В. Сталина на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г. В стенограмме съезда отложилась такая версия: «Деревня – это хранительница украинского языка, и он войдет во все украинские города как господствующий элемент. То же самое будет с Белоруссией, в городах которой все еще преобладают небелорусы. Верно, что белорусские массы, пока что не очень живо, так сказать, не с очень большим интересом, относятся к вопросу развития их национальной культуры, но несомненно, что через несколько лет, по мере того как мы апеллируем к низам белорусским, будем говорить с ними на том языке, который им понятен прежде всего, – естественно, что через год-два-три вопрос о развитии национальной культуры на родном языке примет характер первостепенной важности, и поэтому я не согласен с автором записки, который говорит, что мы искусственно насаждаем белорусскую национальность»⁹.

Позже, в сборнике речей Сталина по национально-колониальному вопросу, а затем и в собрании его сочинений, этот текст был изменен с изъятием размышлений о недостатках белорусских масс¹⁰. Изъятию подвергся и прогноз о сроках созревания белорусского вопроса, оказавшийся в свете решений XII съезда РКП(б) в 1923 г. совершенно верным.

Авторы книги адекватно воспроизводят точку зрения смоленских властей на попытки центральных партийных и советских структур, в первую очередь Наркомпроса РСФСР, начать, а затем и активизировать в бюрократическом плане процессы белорусизации в регионе. На взгляд местных руководителей различного звена, «так

⁹ Там же. С. 26; Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. М., 1963. С. 213.

¹⁰ *Сталин И. В.* Сочинения. М., 1947. Т. 5. С. 48-49.

называемого “белорусского вопроса” как отдельной национальной проблемы ни в Российской империи, ни в советской России никогда не существовало. На Смоленщине, к примеру, белорусы воспринимались местным населением в значительной степени как часть русского народа, говорящая на особом русском языке»¹¹.

Такой взгляд достаточно нейтрально воспринимался в московских структурах в первые годы советской власти, в том числе и более полутора лет после объявленного в апреле 1923 г. XII съездом РКП(б) курса на коренизацию. Смоленские власти, впрочем, тщетно надеялись спустить на бюрократических тормозах новую национальную политику партии и государства.

В главах «Российско-белорусская Смоленщина» и «Школы Смоленщины в эпоху нэпа: не до белорусизации» Козин и Кобец наглядно показывают, что тактика партийного и советского начальства Смоленщины была двуедина и сводилась, с одной стороны, к отрицанию наличия сколько-нибудь многочисленного белорусского населения в регионе, а с другой стороны, к акцентированию действительно объективных трудностей местной школьной системы 1920-х гг.: «Если встать на позиции смоленских руководителей всех уровней власти – от губернской до уездной и волостной, перед которыми стояли десятки первостепенных задач социально-экономического развития региона, и вопросы образования были далеко не на последнем месте, то следует признать, что им было не до белорусизации»¹².

Авторы монографии метко подметили важную при характеристике результативности образовательной политики деталь. Если крайне острая для смоленских школ ситуация с зарплатами учителей и учебниками к 1927 г. выправилась, то уход по социальным причинам из начальной школы детей бедняков, мешавший усвоению грамотности и в императорской России, по-прежнему создавал большую проблему: «По итогам 1927 г. отсев детей батрачества и бедноты все еще оставался значительным. Не завершив учебный год, покидали школу 1-й ступени 23,65 % от общего числа обучающихся в первой группе (то есть в первом классе), 29,5 % – во второй группе, 38,7 % – в третьей»¹³. Этот фактор, на наш взгляд, стоит учитывать и при оценке итогов периода интенсивной белорусизации в БССР, где крестьянское население похожим образом относилось к необходимости обучения своих детей в начальной школе.

11 Козин Е. В., Кобец О. В. Белорусизация на Смоленщине... С. 28–29.

12 Там же. С. 70.

13 Там же. С. 66.

В 1926 г. смоленское начальство достигло серьезного успеха в своем отрицании наличия белорусов в регионе: по данным всесоюзной переписи, в Смоленской губернии из общего количества населения в 1 292 712 человек было зафиксировано всего 20 408 белорусов, из них в деревне 15 201 человек¹⁴. Местные власти и до этого называли достаточно скромные цифры белорусского населения, авторы монографии на архивном материале кропотливо фиксируют расхождения в статистических данных 1925–1926 гг., направлявшихся в центральные органы власти. Так, в докладе Смоленского губисполкома о работе с национальными меньшинствами в Президиум ВЦИК в январе 1925 г. сообщалось о наличии в губернии 53 037 белорусов, или 2,62 % от всего населения Смоленщины. В отчете же Смоленского губоно о работе среди национальных меньшинств с октября 1925 по июнь 1926 г., направленном в Наркомпрос РСФСР, белорусов оказалось уже 80 276 человек, из которых 62 041 проживал в сельской местности и 18 235 в городах. И в том же отчете в разделе о работе совета по национальным меньшинствам при губоно писали о том, что белорусского населения «около 84 000»¹⁵.

Эти данные в любом случае никогда не превышали 100 тыс. человек и 3 % всего населения губернии и явно шли вразрез не только с исследованиями начала XX в. известных белорусских специалистов Е. Ф. Карского и М. В. Довнар-Запольского, но и с несомненными в своей достоверности работами видного смоленского этнографа, выпускника историко-филологического факультета Московского университета Владимира Николаевича Добровольского (1856–1920)¹⁶. Более чем 1000-страничный «Смоленский областной словарь» Добровольского, увидевший свет в 1914 г., категорически убеждает в преобладании в языке смоленского крестьянства белорусских элементов: из 16 560 словарных статей около 80 % содержат слова и выражения, однозначно присущие белорусскому языку.

Представляется, что именно это обстоятельство имела в виду профессор Смоленского государственного университета Екатерина Николаевна Клетнова (1869–1938), выступая 2 июля 1923 г. на межведомственном губернском совещании комиссий по вопросу белорусов.

14 Там же. С. 46.

15 Там же. С. 44–45.

16 *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник. Ч. 1–4. СПб.; М., 1891–1903; *Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

В резолюции совещания значился такой ответ на вопрос: «Какой процент, в каких уездах имеется белорусское население в Смоленской губ.?» «Белорусского сельского населения во всей Смоленской губ. за исключением Гжатского, Сычевского и части Вяземского уездов находится до 90 %»¹⁷. Авторы монографии выражают недоумение по поводу такой оценки, однако оговорка о «части Вяземского уезда» показывает, что цифра точно не взята с потолка. Клетнова была не только этнографом и археологом, но и дочерью вяземского уездного предводителя дворянства и реальную ситуацию в родном уезде знала досконально, равно как и труды Добровольского и других современных ей специалистов.

Не случаен и сам факт проведения такого совещания в Смоленске в начале июля 1923 г., когда еще продолжала свою работу комиссия ЦК РКП(б) по работе среди белорусов Польши (31 мая – 7 июля 1923 г.), которую сначала возглавил Я. Э. Рудзутак, а затем В. М. Молотов. Именно эта комиссия фактически дала старт процессу реальной белорусизации в БССР, уже на ее первом заседании в протоколе № 1 от 5 июня 1923 г. заключительный пункт гласил: «Запросить Наркомнац о национальном составе населения (в % отношении) пограничных районов, прилегающих к Белоруссии»¹⁸. Смоленское совещание, проходившее под председательством представителя губкома «тов. Хеноха», и сформулировало ответ на этот вопрос, с которым отправился на заключительное заседание комиссии 7 июля 1923 г. секретарь Смоленского губкома РКП(б), латышский революционер П. М. Викман (1890–1958).

Однако озвученные Е. Н. Клетновой данные, судя по всему, оказались тогда не востребованными, хотя в итоговом протоколе комиссии неоднократно упоминалась Смоленская губерния, и Викман не возражал против принятых решений. Губернские руководители имели основание опасаться того, что комиссия примет решение о немедленном расширении БССР за счет белорусских территорий Витебской, Гомельской и Смоленской губерний. В этом процессе могло найтись место и Смоленску, где в конце декабря 1918 г. была провозглашена белорусская советская государственность и где располагались органы управления Западного военного округа, с 1926 г. ставшего Белорусским военным округом. Но вопрос о расширении БССР в итоговом протоколе был отложен во времени и при его решении предполагался учет мнения губернских парторганизаций.

¹⁷ Кодин Е. В., Кобец О. В. Белорусизация на Смоленщине... С. 44.

¹⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 60. Л. 76 об.

Начинать же немедленно комиссия велела именно процессы белорусизации образовательных структур. Первый пункт итогового протокола комиссии от 7 июля 1923 г. назывался «О школах» и гласил: «а) Признать необходимым, чтобы местные партийные организации Витебской, Гомельской и Смоленской губерний немедленно приступили, согласно постановлений XII съезда, к практическому осуществлению удовлетворения потребностей местного населения в постановке школьного дела на родных языках, в частности на белорусском языке»¹⁹.

Правда, в том же июле 1923 г. Наркомпрос РСФСР значительно облегчил Смоленскому губоно задачу для начального этапа белорусизации, выделив в циркуляре замнаркома И. И. Ходоровского в качестве пилотного региона Горецкий уезд²⁰, вскоре, в марте 1924 г., вместе с Мстиславским уездом переданный БССР. В Горецком уезде мероприятия по белорусизации школьной системы действительно начались с 1923/1924 учебного года, но уже по ходу его смоленские власти перестали за это отвечать. В Смоленске получили важную для себя временную передышку и могли теперь благополучно забыть о совещании с докладом Е. Н. Клетновой, тем более что профессор в 1924 г. осталась в Чехословакии, получив от Смоленского университета разрешение поехать туда для участия в антропологическом конгрессе²¹.

Отныне смоленские власти могли осознанно ориентироваться на как можно более скромные цифры проживающих в губернии белорусов, а в качестве образца честности подобной статистики выставлять следующий аргумент: «Труднее всего поддается учету белорусское население». Вслед за этими строками официального документа середины 1920-х гг. следовало упоминание о некоторых волостях всего двух уездов, где белорусское население точно имеется и «живет в волостях Смоленского и Рославльского уездов, граничащих с Белорусской республикой: Любавичской, Руднянской, Монастырщинской, Петровичской, Шумячской и Хиславичской Рославльского уезда»²².

Данные переписи 1926 г. порой подвергались сомнению самими смоленскими властями в официальных бумагах, но при этом небольшая численность «белорусского национального меньшинства»

19 Там же. Л. 136.

20 Там же. Л. 154.

21 *Белозёрова И. В.* «И болит моё сердце, болит!»: 1917 г. в судьбе и научной деятельности Е. Н. Клетновой // 1917 год: российская археология на переломе эпох. М., 2017. С. 8.

22 *Кодин Е. В., Кобец О. В.* Белорусизация на Смоленщине... С. 46.

никогда не подвергалась сомнению. В одном из отчетов губоно указывалось, что «по предположениям белкультработников эта цифра не соответствует действительности. Имеются факты, указывающие на то, что при последней переписи населения Смоленской губ. зачастую белорусы механически относились к великороссам (Монастырщинская вол.) или когда население двух соседних деревень по национальным обликам, похожих одна на другую, относились к двум национальностям (Любавичская вол.). Это явление объясняется тем, что местные работники, в частности, переписчики не учли и не учитывают политической важности данного вопроса и само население уже настолько обрусело, что оно не придает белорусизации никакого значения»²³.

Осторожный тон документа с подстраховкой на мнение немногочисленных и лишенных всяческого политического авторитета «белкультработников» дополняется здесь важной ремаркой об ускоренном обрусении сельского населения. Авторы монографии дают интересное объяснение этому феномену: «Более существенным основанием к наметившемуся снижению численности смоленских белорусов в середине 1920-х гг. стало стремление последних более активно включаться в начавшиеся индустриально- и социально-модернизационные процессы, которые гораздо значительнее проявлялись как раз в российских, а не в белорусских регионах и предоставляли существенно больше возможностей белорусскому крестьянству для социального лифта. Все это не могло не сказываться и на численности белорусского населения губернии. Оно будет сокращаться на всем протяжении двадцатых годов XX столетия. При этом речь будет идти не о физическом сокращении численности белорусов, а об их самозачислении в состав российского этноса путем саморусификации и предпочтения родного белорусского языка общесоюзному языку – русскому»²⁴. К этому стоит добавить, что на выбор смоленского крестьянства влияло также подспудное понимание как близости ставшей с марта 1918 г. столицей советского государства Москвы, так и вполне естественного отсутствия значимых проектов индустриализации в пограничной БССР.

Дальнейшее, как хорошо показано в заключительной и весьма информативной главе монографии Кодина и Кобец, было уже делом советской бюрократической техники. Белорусизационные процессы затронули лишь малую часть региона и касались, в отличие от проведения украинизации в РСФСР, лишь части системы образования,

23 Там же. С. 47.

24 Там же. С. 47–48.

но не структуры советской и тем более партийной власти: «Основной формой практической белорусизации на Смоленщине, как, впрочем, и на других приграничных территориях, станет не перевод на белорусский язык органов государственной власти, а создание белорусских школ с обучением на белорусском языке»²⁵. При таком раскладе обычный и для ранней советской действительности формализм проведения белорусизации органично сочетался с факультативностью ее бытования.

Важно отметить, что монография ярко демонстрирует существенные и принципиальные отличия вроде бы сходных по характеру процессов белорусизации и украинизации в РСФСР. Последняя проводилась в куда более значительном масштабе: перепись 1926 г. зафиксировала в Российской Федерации 6 948 381 украинца. Только в приграничном Центральном Черноземье их насчитали более полутора миллионов, в Воронежской губернии – 1 009 211 украинцев, или 33,2 % от всего населения, а в Курской губернии – 513 540 украинцев, или 19,4 % от всех жителей²⁶. И хотя в реализации этой политики всегда наблюдалась изрядная концентрация формализма и показухи, метко названная при обследовании Грайворонского педтехникума в декабре 1929 г. «комедией с украинизацией»²⁷, важное отличие от ситуации с белорусизацией заключалось в более значительном финансировании образовательных проектов. Помимо Наркомпроса РСФСР, в украинизации в российских регионах активно участвовали власти УССР, что позволяло присылать сотни украинских учителей не только в Центральное Черноземье и на Кубань, но и на Дальний Восток и в Казахстан, входивший тогда в качестве автономии в состав РСФСР.

Ничем подобным власти БССР не обладали, их помощь белорусизации в РСФСР сводилась к организации краткосрочных курсов для переподготовки учителей в Минске, финансировавшихся Центральным белорусским бюро Наркомпроса РСФСР, присылкой учебной и методической литературы и эпизодическим проведением фольклорно-этнографических экспедиций сотрудниками Инбелкульта, прообраза созданной в 1929 г. Белорусской академии наук. В результате дело белорусизации на Смоленщине было практически целиком отдано на усмотрение местных властей, вынужденных, впрочем, считаться с постоянным контролем Наркомпроса РСФСР.

25 Там же. С. 49.

26 Дроздов К. С. Политика украинизации... С. 9, 84, 456.

27 Там же. С. 312.

В таких условиях весьма интересен вопрос о массовом сопротивлении белорусизации. Материалы монографии опровергают категоричные выводы П. А. Рудлинга и свидетельствуют о скромности бытования подобного явления в Смоленском регионе. Это совсем не удивительно, ведь смоленские власти, руководствуясь выгодными для них данными переписи 1926 г., уже тщательно минимизировали масштаб явления, после чего формально поддерживали белорусизацию «по малому кругу». Губернская газета «Рабочий путь» даже регулярно критиковала недостатки проведения данной политики, а выделенные на нее деньги в большинстве случаев тратились по назначению. К примеру, на губернских трехнедельных курсах по переподготовке учителей-белорусов летом 1926 г. «учителя-курсанты обеспечивались вполне приличным по тем временам бесплатным питанием. Так, по договору на питание курсантов белорусской секции Смоленского губоно летом 1926 г. стоимость суточного питания одного человека составляла 1 руб. 15 коп. Сюда входили завтраки (2 стакана молока и 2 французские булки к ним), обеды – 2 мясных блюда, ежедневно меняемых, ужин – 2 стакана чая, 2 французские булки и к ним 1/4 фунта чайной колбасы, или 1/6 фунта сыра, или 1/6 фунта сливочного масла»²⁸.

Впрочем, финансировать белорусизацию в самом Смоленске городские власти отказывались. Ответственный работник Отдела национальностей ВЦИК З. С. Островский в своей книге 1931 г. приводил такой красноречивый факт: «Смоленский горсовет и в 1928 г. продолжал считать, что “белорусов в Смоленске нет и о них не нужно говорить”. И своим решением передал средства, запланированные по бюджету губернского отдела народного образования на культурно-просветительскую работу среди белорусского населения в городе, на жилищное строительство»²⁹.

Но и такой протест против белорусизации едва ли можно назвать массовым явлением. Архивные и газетные материалы, приводимые в монографии, убеждают, что и в смоленской глубинке массового недовольства белорусизацией не было, против высказывались отдельные представители местного начальства и интеллигенции. Так, 23 августа 1927 г. «Рабочий путь» раскритиковал председателя волостного исполкома Демидовского уезда, бывшего

²⁸ Козин Е. В., Кобец О. В. Белорусизация на Смоленщине... С. 86.

²⁹ Островский З. Проблемы украинизации и белорусизации в РСФСР. М., 1931. С. 61.

рабочего одного из ленинградских заводов, с которым во время экспедиции встречался сотрудник Инбелкульта историк и этнограф А. А. Шлюбский. «Когда Шлюбский говорил по-белорусски, председатель <...> спросил его, на таком ли языке читают лекции в Белорусском университете, потом сказал: “Удивительно, какой некультурный и необразованный народ – белорусы. Ведь у вас говорят в университете точно так, как говорят неграмотные и неразвитые крестьяне в моей волости”»³⁰.

Стоит заметить, белорусским словом владели и самые грамотные и развитые представители тогдашнего смоленского крестьянства, к которым относились и выдающиеся русские поэты Михаил Исаковский и Александр Твардовский. Родившийся в Ельнинском уезде Исаковский в одном из своих последних стихотворений «У новогодней елки» (декабрь 1972 г.) писал:

*Никто мне в детстве не дарил игрушек,
Ни разу я на елке не бывал.
В лесу я слушал, но не птиц, а птушек,
Как мой отец пернатых называл.*

Актер Зиновий Гердт вспоминал о появившемся на свет в Смоленском уезде Твардовском: «Этот крестьянский человек, в жизни говоривший чуть-чуть с белорусским речением, был непогрешим в прозе и стихах, был аристократичен, будто дворянин двенадцатого колена»³¹. Народный артист СССР Гердт хорошо разбирался в «белорусском наречии»: он родился в 1916 г. в уездном Себеже Витебской губернии, при советской власти отошедшем к РСФСР. В 1989 г. Гердт так высказался о своей родине: «Я не совсем из Белоруссии, но около. Я родом из Себежа»³². Белорусские особенности речи местного населения, среди которого будущий артист провел первые 16 лет жизни, были Гердту хорошо известны; в совместных с Твардовским походах в лес за грибами друзья порой разговаривали на этом «речении».

В БССР 1920-х гг. зафиксированы негативные отзывы и протесты против белорусизации со стороны школьных учителей. Монография Кодина и Кобеца затрагивает и эту проблему, но и на Смоленщине учительский протест так и не стал массовым. Так, в июле – августе 1925 г.

30 Коди́н Е. В., Кобе́ц О. В. Белорусизация на Смоленщине.... С. 86.

31 Цит. по: Гейзер М. М. Зиновий Гердт. М., 2012. С. 145.

32 Там же. С. 161.

в Минске на базе Белорусского педтехникума проходили переподготовку учителя из Гомельской и Смоленской губерний. «Один из смолян был освобожден от курсов сразу после их начала, поскольку отказался изучать белорусский язык»³³. Но при этом 30 оставшихся после его отъезда смоленских педагогов успешно прошли обучение на курсах и протестов не заявляли.

Характерен и вывод, который сделал в марте 1929 г. в приводимой в приложениях к монографии справке «Белорусские школы и проблема белорусизации» нацменинспектор из Смоленска З. Шефтер: «Учащиеся охотно занимаются на белорусском языке, и, по заявлению белорусских учителей на конференции, успеваемость учащихся 1-х групп в чтении и письме значительно выше, чем это было до белорусизации школ. Вообще же нужно отметить, что в процессе работы белорусские школы завоевывают себе авторитет и население относится к хорошо работающим белорусским школам удовлетворительно»³⁴. Это мнение стоит считать вполне достоверным: в условиях, когда белорусизация на Смоленщине вплоть до своего прекращения в декабре 1932 г. так и не приняла массового характера, немногие белорусские школы постепенно наладили свою работу, а учащиеся и родители привыкли к этому формату обучения.

Таким образом, новаторская монография Е. В. Кодина и О. В. Кобец представляет собой важный шаг к углубленному изучению процессов коренизации в РСФСР, отличается углубленной проработкой архивного материала и ставит немало интересных вопросов, нуждающихся в дальнейшей исследовательской разработке.

Источники и литература

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).

Белозёрова И. В. «И болит моё сердце, болит!»: 1917 г. в судьбе и научной деятельности Е. Н. Клетновой // 1917 год: российская археология на переломе эпох. М.: Институт археологии РАН, 2017. С. 7–9.

Гейзер М. М. Зиновий Гердт. М.: Молодая гвардия, 2012. 270 с.

Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года. Стенографический отчет. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. 915 с.

³³ *Кодин Е. В., Кобец О. В.* Белорусизация на Смоленщине.... С. 79.

³⁴ Там же. С. 154.

Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. 1. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1891. 743 с.; Ч. 2. СПб.: Тип. С. Н. Худекова, 1893. 720 с.; Ч. 3. СПб.: Тип. С. Н. Худекова, 1891. 137 с.; Ч. 4. М.: Тип. А. В. Васильева, 1903. 720 с.

Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск: Тип. П. А. Силина, 1914. 1022 с.

Дроздов К. С. Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2016. 487 с.

Кодин Е. В., Кобец О. В. Белорусизация на Смоленщине, 1920-е годы: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2021. 165 с.

Островский З. Проблемы украинизации и белорусизации в РСФСР. М.: Власть Советам, 1931. 87 с.

Сталин И. В. Сочинения. М., 1947. Т. 5. 454 с.

Rudling P. A. *The Rise and Fall of Belarusian Nationalism, 1906–1931.* Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015. 448 p.

References

Belozërova, I. V. “«I bolit moje serdtse, bolit!»: 1917 g. v sud'be i nauchnoi deiatel'nosti Je. N. Kletnovoi.” *1917 god: rossiiskaia arkheologiiia na perelome epokh.* Moscow: Institut arkheologii RAN, 2017, pp. 7–9.

Desiatyi s"jezd RKP(b). Mart 1921 goda. Stenograficheskii otchet. Moscow: Gosudarstvennoje izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1963, 915 p.

Drozдов, K. S. Politika ukrainizatsii v Tsentral'nom Chernozem'je, 1923–1933 gg. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN; Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016, 487 p.

Geizer, M. M. Zinovii Gerdt. Moscow: Molodaia gvardiia, 2012, 270 p.

Kodin, Je. V., Kobets, O. V. Belorusizatsiia na Smolenshchine, 1920-je gody: monografiia. Smolensk: Izd-vo SmolGU, 2021, 165 p.

Ostrovskii, Z. Problemy ukrainizatsii i belorusizatsii v RSFSR. Moscow: Vlast' Sovetam, 1931, 87 p.

Rudling, P. A. The Rise and Fall of Belarusian Nationalism, 1906–1931. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015, 448 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.6.03

Yu. A. Borisenok

The Smolensk variant of Belarusianization in the 1920s

Yuri A. Borisenok

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: rodina2001@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4958-2799

Citation

Borisenok Yu. A. The Smolensk variant of Belarusianization in the 1920s // *Slavic Almanac*. 2022. No 3–4. P. 463–478 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.6.03

Received: 25.08.2022.

Abstract

In 2021, the Smolensk historians Yevgeny Kodin and Olga Kobets published the first monograph in Russian historiography on the processes of Belarusianization in the RSFSR in the interwar period. In the book, on the example of the Smolensk region, the issue of extending the decisions of the 12th Congress of the Bolshevik Party (1923) on the korenization to the border regions of the Russian Federation with the Byelorussian SSR is touched upon, which is extremely relevant for the national policy of the first years of Soviet power. The authors drew on significant and valuable material from local archives and tried to find out whether the views of modern historians on the problem of the content and results of the Belarusianization policy correspond to the realities of the era. The monograph significantly corrects existing ideas about the practical implementation of the Belarusianization course and in particular, convincingly shows the tactics of the Smolensk authorities to interpret the instructions from Moscow on the introduction of the Belarusian language into the school system as secondary and temporary.

Keywords

Smolensk region, history of Belarus, Belarusian lands, Belarusianization, Russian historiography, E. V. Kodin, O. V. Kobets.